

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

В.С. Серебренников

**Независимость
психологии от физиологии**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 7-8. С. 853-871.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Независимость психології отъ физіології.

НАИБОЛЪЕ популярною наукою въ наше время является психологія. Ею интересуются лица самыхъ разнообразныхъ специальностей; на ней хотятъ обосновать столь различные дисциплины, какъ педагогика и психотерапія, съ одной стороны, логика, эстетика, этика и философія права, съ другой. Но какимъ образомъ нужно разрабатывать психологію и какое положеніе въ ряду другихъ опытныхъ наукъ она должна занимать, это остается неизъясненнымъ до сихъ поръ. Особенно спорнымъ и запутаннымъ представляется отношеніе психології къ физіології. Въ то время, какъ представители старой субъективной психології считали излишнимъ обращаться къ физіології, физіологи второй половины прошлого столѣтія, подъ вліяніемъ позитивной философіи Конта и раззвѣта физіології, наоборотъ, не хотѣли знать никакой психології, кромѣ физіологической. Они прямо и рѣшительно заявляли, что психологія должна быть заключительной главою физіології. Съ примѣненіемъ къ психології экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія произошло сближеніе психологовъ съ физіологами и явились въ психології новые работники, которые, въ отличіе отъ прежнихъ, могутъ быть названы психофизіологами. Физіологи перестали нападать на психологію, и ея самостоятельность сдѣлалась почти общепризнанной. Но если внимательнѣе присмотрѣться къ современнымъ курсамъ психології, то нельзя не замѣтить, что психологія признается въ нихъ отдѣльною отъ физіології наукою лишь на словахъ. На дѣлѣ же авторы этихъ курсовъ проводятъ такие взгляды на душевный міръ и способы его изученія, что психологію ихъ гораздо правильнѣе было бы на-

звать физиологіей души. Особливо это нужно сказать относительно тѣхъ психологовъ параллелистического направлениія, которые, какъ Эббинггаузъ¹⁾, заботятся больше всего о согласованіи своихъ психологическихъ воззрѣній съ основными положеніями и выводами естествознанія и которые думаютъ постигнуть природу души чрезъ примѣненіе къ ея изученію понятій и методовъ физическихъ наукъ.

Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: отлична психологія отъ физиологіи или составляетъ съ нею одну науку?

Чтобы получить принципіальное решеніе этого вопроса, мы должны исходить изъ общаго методологическаго положенія, что истинно научное опытное знаніе получается лишь тогда, когда умъ человѣка находится въ согласіи съ фактами дѣйствительности, т. е. когда онъ объединяетъ однородное и разъединяетъ разнородное. Поэтому мы должны будемъ согласиться, что психологія тождественна съ физиологіею, если будетъ доказано, что предметъ ихъ изученія одинъ и тотъ же, что душа есть не болѣе, какъ двойникъ мозга. Если же мы убѣдимся, что душевный міръ по природѣ своей не имѣеть ничего общаго съ нашимъ мозгомъ, а составляетъ особый міръ, который долженъ управляться особыми законами, то для нась будетъ ясно, что психологія есть особая наука, отличная отъ физиологіи.

Попытку утверждать однородность душевныхъ явленій съ физиологическими мы находимъ у материалистовъ 2-й половины прошлаго столѣтія. Аргументація ихъ извѣстна. 1) Химическій анализъ мочи показываетъ, что умственная дѣятельность сопровождается потребленіемъ мозгового вещества, подобно тому, какъ мышечная работа влечетъ за собою трату мышечного вещества. 2) Изъ наблюденій можно убѣдиться, что развитіе душевное идетъ параллельно съ развитіемъ мозга, такъ что у людей развитыхъ умственно мозгъ бываетъ большой по объему и вѣсу и его поверхность изборождена многочисленными извилинами, а у идіотовъ мозгъ малъ и имѣеть ограниченное число извилинъ. 3) Въ согласіи съ этимъ установлено, что душевные болѣзни соединяются обыкновенно съ заболеваніемъ большого мозга, а искусственное удаленіе этого мозга у животныхъ производить потерю сознанія. 4) Но особенно сильное впечатлѣніе на означенныхъ мыслителей производила новая еще въ то время идея эволюціи. Все въ

¹⁾ Эббинггаузъ. Очеркъ психологіи. Спб. 1911. Стр. 29.

миръ развивается, высшее происходит отъ низшаго. Отчего не предположить, что душевная жизнь человѣка развивается изъ душевой жизни животныхъ, а эта послѣдняя изъ жизни органической. Сравнительно-анатомическія изслѣдованія показываютъ, что въ тѣлесной организаціи человѣка и животнаго нѣтъ коренного различія. Легко было прийти къ мысли, что и душевная организація человѣка отличается отъ организаціи высшихъ животныхъ лишь степенью. Основываясь на всемъ этомъ, материалисты пришли къ выводу, что душевныя явленія составляютъ естественную функцию мозга. Извѣстно выраженіе физіолога Молешота: безъ мозга, безъ фосфора нѣтъ мысли, или еще болѣе выразительныя слова естествоиспытателя Фохта: «всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевой дѣятельности, суть только отправленія мозгового вещества. Мысль находится почти въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ».

Изложенное ученіе представляется въ наше время столь грубымъ, что останавливаться подробно на его разборѣ нѣтъ никакой нужды. Достаточно замѣтить, что дѣлаемый въ немъ выводъ является подозрительнымъ, прежде всего, съ методологической стороны. Строго научный методъ требуетъ, чтобы неизвѣстное сводилось на извѣстное, вѣроятное на достовѣрное. Въ этомъ выводѣ, наоборотъ, явленія сознанія, факты достовѣрные, объясняются явленіями материальными, фактами лишь предполагаемыми. Еще Декартъ показалъ, что мы можемъ сомнѣваться не только въ томъ, что внѣшніе предметы таковы, какими мы ихъ воспринимаемъ, но и въ томъ, что существуютъ какіе-либо матеріальные предметы. Но мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи нашего я и нашего сомнѣнія, какъ факта непосредственнаго сознанія. Отсюда если ужъ сводить какія явленія на другія, то нужно объяснить матеріальная явленія изъ явленій сознанія, но никакъ не наоборотъ. Несостоятельнымъ является этотъ выводъ и по своимъ основаніямъ. Теорія эволюціи сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ, потому что составляетъ недоказанное предположеніе. Изъ наблюдаемаго факта, что живыя существа могутъ быть расположены въ порядкѣ постепеннаго восхожденія отъ низшаго къ высшему, никакъ не слѣдуетъ, будто низшія существа производятъ высшія. Высшее можетъ произойти изъ низшаго лишь при томъ условіи, если послѣднее будетъ за-

ключать въ себѣ предъизображеніе или потенцію первого: иначе получился бы абсурдъ, будто дѣйствіе можетъ быть больше своей причины, или нѣчто происходитъ изъ ничего. Но эволюція изъ предобразованія не есть та эволюція, которую имѣютъ въ виду материалисты. Они говорятъ о generatio aequivoса, а здѣсь мы имѣемъ generatio ab ovo. Что касается фактическихъ основаній изложенного ученія, то если даже оставить безъ вниманія нѣкоторую ихъ неточность, они свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что однимъ изъ необходимыхъ условій для проявленія душевной жизни служить известное состояніе мозга. Но дѣлать заключеніе, что мозгъ служить единственнымъ условиемъ, или производящую причину душевныхъ явлений, мы не имѣемъ никакого права. Чтобы сдѣлать подобный выводъ и сказать, что мозгъ такъ же выдѣляетъ душевныя явления, какъ печень выдѣляетъ желчь, для этого требовалось доказать, что душевныя явленія, подобно желчи, образуются чрезъ сочетаніе элементовъ крови и суть явленія материальныя. Но Фохтъ и Молешотъ не доказали и не могли доказать этого, потому что душевныя и тѣлесныя явленія составляютъ два совершенно особыхъ міра.

Можно отмѣтить три основныхъ черты, которыя обособляютъ душевный міръ отъ материального.

1) Тѣла, изъ которыхъ состоитъ материальный міръ, будучи протяженными, дѣлятся на протяженныя части безъ конца и, слѣдовательно, являются всегда дискретнымъ множествомъ. Если же мы воспринимаемъ тѣла, какъ единства, и полагаемъ, что они состоять изъ молекулъ, а молекулы изъ атомовъ, то причина этого заключается въ нась. Мы, какъ единый признающій субъектъ, единое я, можемъ противопоставить себѣ лишь единый объектъ, единое не-я. Посему когда намъ предстоитъ какое-либо множество, мы преобразуемъ его въ своеемъ созерцаніи въ единство. Равнымъ образомъ, мы не можемъ осуществить ни въ мысли, ни въ представлениіи бесконечной дѣлимости протяженного и потому, чтобы понять тѣла, полагаемъ искусственный предѣлъ ихъ дѣлимости. Мы принимаемъ фиктивное существованіе атомовъ, какъ бы говоря себѣ: все воспринимаемое въ материальномъ мірѣ дѣлимо и есть множество, но множество такое, какое можно понять, именно, множество опредѣленное, состоящее изъ исчислимаго числа недѣлимыхъ, самостоятельныхъ частицъ, атомовъ. Въ противоположность материальному, душевный міръ слагается изъ явле-

ній, къ которымъ протяженность неприложима. Никто не скажеть, что чувство удовольствія можетъ быть измѣreno кубами или что представлениe четырехугольника четырехугольно. Не можетъ быть въ душевномъ мірѣ и сосуществованія. Душевныя явленія, какъ обнаружениe единой личности, располагаются въ формѣ одного непрерывнаго послѣдовательнаго ряда, въ которомъ мы не можемъ ни вырвать нужнаго намъ явленія, какъ это мы дѣлаемъ съ тѣлами и ихъ частями, ни пересадить его изъ одного мѣста въ другое, какъ пересаживаются, напр., участки кожи со лба на носъ. Мы можемъ лишь отмѣтить начальный и конечный моменты даннаго явленія и сопоставить его съ другими явленіями, т. е. можемъ выдѣлить явленіе не реально, а идеально, въ своей мысли. Равнымъ образомъ мы не можемъ разложить однихъ душевныхъ явленій на другія. Правда, мы нерѣдко говоримъ о психологическомъ анализѣ и синтезѣ, но подъ ними нужно разумѣть не реальные процессы разложенія и сложенія, а лишь идеальные. Чтобы имѣть представлениe объ апельсинѣ, необходимо осмотрѣть его, испробовать его вкусъ, запахъ и т. п., вообще получить цѣлый рядъ ощущеній и поставить ихъ во взаимное отношеніе. Чтобы почувствовать почтеніе къ лицу, нужно предварительно сдѣлать множество наблюденій, пережить множество чувствованій. Но развѣ можно сказать, что въ этомъ чувствѣ находятся эти самыя наблюденія и чувства или что представлениe апельсина можно разложить на ощущенія зрѣнія, вкуса, обонянія. Самое большее, что можно сдѣлать, это представить тѣ душевныя явленія, которыя должны быть пережиты, чтобы на ихъ основѣ возникло данное явленіе. Такимъ образомъ въ материальному міру реально множество и идеально единство, а въ душевномъ, наоборотъ, реально единство и идеально множество.

2) Себя самихъ и свои душевныя переживанія мы сознаемъ непосредственно. Всякій изъ насъ знаетъ, что такое радость, горе, желаніе, усиление воли, воспріятіе, работа мысли. Знаемъ мы это потому, что наши душевныя переживанія отражаются въ нашемъ самосознаніи. Какъ только возникаетъ въ насъ, напр., какое-либо чувствование, является вмѣстѣ съ нимъ и сознаніе, что въ насъ заговорило такое-то чувствование. Даже воспріятія внѣшнихъ предметовъ являются состояніями не только объективнаго сознанія, но и субъективнаго самосознанія. Какъ состоянія объективнаго сознанія, они говорять намъ,

съ какимъ предметомъ мы имъемъ дѣло, со столомъ, стуломъ, бумагою, перомъ или чѣмъ другимъ. А какъ состоянія само-сознанія, они даютъ намъ знать, что, видя, напр., столъ, мы находимся въ состояніи созерцанія, а не волненія или желанія. Послѣднее особенно живо сознается въ тѣхъ слукаяхъ, когда получаемыя впечатлѣнія не представляются для насъ никакого интереса; когда, напр., старый человѣкъ въ десятый разъ начинаетъ рассказывать одну и ту же исторію, намъ бываетъ ясно, что сообщеніе нисколько не трогаетъ насъ и мы являемся пассивными созерцателями.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается наше познаніе тѣлъ и происходящихъ въ нихъ перемѣнъ. Представляя множество, тѣла не имѣютъ средоточія и не могутъ сознавать себя: они существуютъ безсознательно. Предметомъ познанія они служатъ для другого, для насъ сознающихъ субъектовъ. Но мы ихъ познаемъ не прямо, а чрезъ посредство душевныхъ переживаній, которыя они въ насъ вызываютъ. Ихъ дѣйствія сводятся къ различного рода колебаніямъ и движеніямъ, а мы своими чувствами воспринимаемъ эти дѣйствія, какъ цвета, звуки, запахи и др. чувственные качества. Эти качества составляютъ, следовательно, наши субъективныя переживанія, но мы ставимъ ихъ предъ собою въ видѣ предметовъ и понимъ судимъ о тѣлахъ.

3) Мертвые тѣла инертны. Они не могутъ сами собою перейти изъ покоя въ движеніе, изъ движенія въ покой или измѣнить одну форму движенія на другую. Перемѣны въ ихъ состояніи производятся внѣшними дѣятелями. И если известный дѣятель оказался въ состояніи произвести известную перемѣну, онъ будетъ производить ее всегда. Никакой внутренней оцѣнки и сознательного противодѣйствія вліянію внѣшняго дѣятеля тѣло не можетъ производить: перемѣна будетъ вызываться въ немъ съ слѣпою необходимостью. Не то мы видимъ въ области душевнаго міра. Здѣсь не всякое впечатлѣніе переходитъ въ явленіе сознанія и не всякое желаніе души осуществляется въ соотвѣтствующемъ дѣйствіи. Но лишь то впечатлѣніе воспринимается и то желаніе исполняется, на которое даемъ мы свое согласіе. Мы заняты, напр., серьезною работою; на наши глаза дѣйствуютъ лучи свѣта отъ окружающихъ предметовъ; въ наши уши проникаютъ воздушныя волны отъ разговаривающихъ лицъ; но нашъ интересъ—окончить работу и мы ничего изъ окружающего не видимъ и не слышимъ. Совсѣмъ

другое наблюдается, когда мы сильно ждемъ кого-нибудь: тутъ интересъ нашъ—совершенно обратный—получить известное вънѣшнее впечатлѣніе; въ соотвѣтствіе этому каждый шорохъ, каждое неопределѣленное очертаніе предмета жадно схватывается нами изъ желанія поскорѣе узнать, не то ли это самое, что намъ нужно. Такимъ образомъ одни и тѣ же вънѣшнія впечатлѣнія, въ данномъ случаѣ зрительныя и слуховыя, могутъ не произвести въ нашей душѣ никакого дѣйствія или вызвать—въ одно время одинъ результатъ, а въ другое другой. Это показываетъ, что мы въ своей дѣятельности опредѣляемся самими собою, а не вънѣшними воздействиіями; послѣднія являются для насъ лишь поводами, но не производящими причинами нашихъ дѣйствій.

Указанными особенностями душевый міръ столь рѣзко обособляется отъ материального, что вывести душевныя явленія изъ тѣлесныхъ процессовъ нельзя никоимъ образомъ. «Если бы мы предположили, говорить Дю-Буа-Реймондъ, такой умъ, который бы былъ въ состояніи для каждого момента времени прошедшаго и будущаго опредѣлить всѣ движенія и всѣ комбинаціи атомовъ, то все же онъ не былъ бы въ силахъ постичь, какимъ образомъ изъ атомовъ и ихъ движенія можно объяснить хотя бы простѣйшее явленіе сознанія. Уже съ первымъ пробужденіемъ чувства пріятности или боли, которые возникаютъ въ самомъ началѣ животной жизни на землѣ, дана непроходимая бездна между движеніемъ атомовъ и сознаніемъ». Эта мысль признается въ настоящее время правильною почти всѣми психофизіологами.

Но основанія, приведенные въ доказательство материалистического взгляда на душевную жизнь, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, производятъ сильное впечатлѣніе и на современныхъ психофизіологовъ. Теперь уже не утверждаютъ, что съ большимъ и тяжелымъ мозгомъ необходимо соединяться большое умственное развитіе. Гистологическія изслѣдованія головного мозга показали, что въ немъ имѣются, съ одной стороны, дѣятельные элементы—клѣтки и соединяющія ихъ ассоціаціонныя волокна, а съ другой, индифферентное по отношенію къ функциї вещества, межуточная ткань, въ которой дѣятельные элементы помѣщены и находять для себя точку опоры. Если межуточной ткани въ мозгу будетъ много, а клѣтокъ и ассоціаціонныхъ волоконъ мало, то мозгъ будетъ великъ, а функциї его будутъ ничтожны. Такимъ образомъ объемъ и

весь мозга сами по себѣ еще не говорять о степени его функционального развитія.

Но что душевное развитіе находится въ зависимости отъ развитія мозга, это положеніе считаютъ вполнѣ правильнымъ и современные психофизіологии. Подъ вліяніемъ нового ученія о мозговой локализаціи оно пріобрѣло въ ихъ глазахъ даже большую опредѣленность: они видятъ въ немъ прямое доказательство тожества природы мозга и души.

Согласно новому ученію, центромъ сознанія служить мозговая кора. Но она функционируетъ не какъ единица, а какъ сложное образованіе, съ различными частями котораго соединены различные функциі. Такъ, одною частью коры, именно, затылочной мы видимъ, другою—височиной слышимъ. Въ однихъ частяхъ заложены центры, завѣдующіе непроизвольными движеніями рукъ, изъ другихъ исходятъ волевые импульсы къ мышцамъ губъ и языка. Кроме этихъ центровъ въ корѣ существуютъ еще ассоціационные центры, которые устанавливаются многоразличныя связи между клѣтками чувствительныхъ и двигательныхъ центровъ и служатъ субстратомъ высшихъ душевныхъ процессовъ. Ассоціационные центры наблюдаются у людей и высшихъ животныхъ, а у низшихъ они отсутствуютъ. И у людей они образуются не сразу, а постепенно. При появленіи ребенка на свѣтѣ, въ мозгу его бываютъ сформированы лишь центры ощущеній, вслѣдствіе чего сознательная жизнь новорожденного должна по необходимости ограничиваться изолированными ощущеніями. Но начиная со 2-го мѣсяца, въ ассоціационныхъ центрахъ появляются волокна, и у ребенка пробуждается ассоціационная дѣятельность. Онъ начинаетъ относить свои ощущенія и образовывать изъ нихъ воспріятія. При разстройствахъ и поврежденіяхъ ассоціационныхъ центровъ, чувствительность сохраняется, но теряется способность узнаванія получаемыхъ впечатлѣній. Когда, напр., у собаки повреждаютъ ассоціационный центръ, находящійся въ связи съ центромъ слуха, она при всякомъ шумѣ навостряетъ уши, но перестаетъ понимать значеніе обычныхъ для нея словъ: цыцъ, лапу и пр. Особенно поразительны разстройства ассоціационныхъ центровъ рѣчи. При разрушеніи однихъ изъ нихъ пациентъ утрачиваетъ способность понимать слышимыя слова; разрушеніе другихъ влечетъ за собою потерю способности читать и понимать написанныя слова; при разстройствѣ третьихъ больной понимаетъ чужую рѣчь устную и письменную, но

самъ не можетъ сразу назвать правильно ни одной вещи. Если же различные процессы сознанія локализируются въ различныхъ частяхъ мозга и, подобно послѣднимъ, являются до извѣстной степени независимыми другъ отъ друга, то мы въ правѣ заключить, по мнѣнію психофизиологовъ, что сознаніе имѣть одинаковую структуру съ мозгомъ и служить своеобразнымъ сконцентрированнымъ повтореніемъ его процессовъ, а не проявленіемъ какой-то нематеріальной сущности—души. «Какъ можетъ душа, иронизируетъ Эббингаузъ, мыслиться въ соединеніи съ протяженнымъ и состоящимъ изъ многочисленныхъ частей мозгомъ? Вѣдь тогда, разрѣзывая мозгъ, можно, значитъ, перерѣзать и душу?»¹⁾

Но матеріалисты 2-й половины прошлаго столѣтія пришли отъ признанія факта зависимости душевной жизни отъ тѣлесной къ матеріалистическому взгляду на душевную жизнь подъ вліяніемъ теоріи эволюціи. Подобно этому и у современныхъ психофизиологовъ сложился окончательный матеріалистической взглядъ подъ вліяніемъ очарованія закономъ сохраненія энергіи, который они считаютъ гордостью современаго естествознанія и съ которымъ сообразовать свои выводы считаютъ своею непремѣнною обязанностью. Ходъ ихъ разсужденій можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Изъ химії было извѣстно, что количество матеріи всегда остается однимъ и тѣмъ же, такъ что мы не можемъ ни одного атома создать вновь, ни уничтожить. Какія бы перемѣны ни происходили въ тѣлахъ, всѣ они касаются не количества атомовъ, а ихъ взаимнаго отношенія и сочетанія. Мы говоримъ о возникновеніи однихъ тѣлъ и уничтоженіи другихъ; въ дѣйствительности же происходятъ и уничтожаются лишь сочетанія атомовъ, а количество ихъ остается одно. Законъ сохраненія энергіи къ этому добавляется, что не могутъ возникать вновь и уничтожаться также силы матеріальной природы. Всѣ силы природы, какъ бы различны онѣ ни были, будуть то — теплота, свѣтъ, магнетизмъ или электричество, сила химического сродства, сила тяготѣнія или сцѣпленія, въ концѣ-концовъ сводятся или 1) къ кинетической энергіи движенія — тѣлъ, молекулъ, атомовъ, или 2) къ потенціальной энергіи ихъ положенія. Отдельныя силы могутъ увеличиваться, уменьшаться, переходить изъ одной формы въ другую; но это измѣ-

1) Эббингаузъ. Очеркъ психологіи. СПБ. 1911. Стр. 32.

неніе всегда происходит за счетъ другихъ эквивалентныхъ силь. Механическая сила движениія, напр., можетъ перейти въ физическую силу теплоты, какъ это бываетъ при ударѣ молота о наковальню. Но то же самое количество теплоты можетъ вызвать соотвѣтствующее количество механической работы, какъ это мы видимъ при движениіи паровоза. Такимъ образомъ общее количество существующей въ мірѣ энергіи въ каждый моментъ времени остается неизмѣннымъ. Но, продолжаютъ современные психофизіологи, что справедливо о тѣлахъ вообще, то справедливо и по отношенію къ нашему тѣлу. Всѣ процессы нашего тѣла по существу своему суть различныя формы одной и той же энергіи движениія, которые вызываются окружающими тѣлами и окружающими тѣлами передаются. Предполагать, что движениія нашего тѣла могутъ измѣняться или возникать подъ вліяніемъ другихъ какихъ-либо дѣятелей, вродѣ психическихъ, вообще не движений, это значитъ признавать, что силы природы могутъ увеличиваться и уменьшаться подъ вліяніемъ силъ, не принадлежащихъ природѣ, другими словами, значитъ противорѣчить закону сохраненія энергіи. Такое предположеніе должно быть отвергнуто всякимъ психологомъ, который дорожитъ согласіемъ своихъ выродовъ съ прочными положеніями естествознанія.

Правда, мы находимъ въ себѣ кромѣ движений еще явленія сознанія. Правда и то, что явленія сознанія никоимъ образомъ не могутъ быть выведены изъ движений, какъ качественно отличныя отъ нихъ. Но развѣ качественная несравнимость явленій, сама по себѣ, даетъ право заключать о принадлежности ихъ различнымъ субстратамъ. Для всякаго, конечно, ясно, что изъ бѣлизны сахара нельзя непосредственно вывести его сладости или твердости. Но развѣ кто утверждаетъ, что бѣлизна сахара принадлежить одному тѣлу, а сладость другому? Не полагаемъ ли мы, напротивъ, что всѣ эти качества принадлежать одному и тому же сахару. Несравнимость же качествъ обусловливается различiemъ нашихъ точекъ зрѣнія на него. Оставаясь однимъ и тѣмъ же скопленіемъ атомовъ, для глазъ онъ является такимъ, для осозанія другимъ, для вкуса третьимъ. То же самое нужно сказать и объ явленіяхъ сознанія въ ихъ отношеніи къ мозговымъ процессамъ. Положимъ, душевные явленія качественно несравнимы съ движениями въ мозгу; но мы знаемъ, что эти явленія распределены по различнымъ частямъ мозга и развива-

ются параллельно съ ними. Что же мѣшаетъ намъ предположить, что явленія 'сознанія составляютъ другую сторону мозговыхъ процессовъ. Легко представить, что одни и тѣ же мозговые процессы являются съ точки зрењія вицѣнныхъ чувствъ движеніями, а съ точки зрењія внутренняго чувства воспринимаются въ формѣ мыслей, чувствованій, желаній, вообще, душевныхъ переживаній. Въ этомъ предположеніи ничего невозможного нѣтъ; между тѣмъ оно избавляетъ насъ отъ абсурднаго вывода, будто непротяженная душа распредѣляется по протяженной поверхности мозга, и будто только внутри черепной полости почему-то долженъ нарушаться законъ сохраненія энергіи ¹⁾). Сдѣлавъ это предположеніе, мы утверждаемъ, что въ мірѣ, какъ замкнутомъ цѣломъ, общее количество силъ остается постояннымъ, что между дѣйствіями силъ существуетъ сплошная причинная связь и что механические законы, по которымъ одни движенія переходятъ въ другія, имѣютъ всеобщее міровое значеніе. Къ этому мы должны только добавить, что движенія въ мозгу сопровождаются явленіями сознанія, отношенія между которыми вполнѣ соответствуютъ отношеніямъ между мозговыми процессами. Отсюда если говорить о какихъ-либо законахъ душевной жизни, то этими законами должны быть механические законы матеріальной природы. Такъ приходятъ современные психофизіологи къ признанію тождества между законами физіологическими и психологическими. Но можно ли согласиться съ этимъ взглядомъ?

Едва ли нужно много разъяснять, что локализація мозговыхъ функцій сама по себѣ ни мало не говоритъ, будто носителемъ душевной жизни служитъ мозгъ, а не особая сущность—душа. Душа по самому своему понятію, какъ сущность не пртяженная, можетъ быть постигаема умомъ, а не воображеніемъ. Посему представлять душу конкретно, въ видѣ жидкости, разливающейся по поверхности мозга, значитъ рассматривать ее съ точки зрењія для нея совершенно чуждой. Какъ добродѣтель не можетъ быть четырехугольною, такъ и душа не можетъ быть разливающеюся. Отношеніе между душою и мозгомъ нужно мыслить динамически, на подобіе отношенія Бога къ міру или силы къ матеріи, нужно думать, что количественно опредѣленныя перемѣны въ мозгу законо-

¹⁾ Эббинггауз. Очеркъ психологіи. Слб. 1911. Стр. 52.

мърно связаны съ качественно опредѣленными состояніями души. А что мозговыя перемѣны локализуются въ разныхъ мѣстахъ, это для означенной закономѣрности не имѣеть значенія. Это — простое слѣдствіе материальности мозговыхъ процессовъ, которые какъ протяженные, конечно, должны располагаться одинъ подлѣ другого и, слѣдовательно, занимать разныя мѣста. Равнымъ образомъ и законъ сохраненія энергіи ни мало не доказываетъ тожества физіологическихъ законовъ съ психологическими. Въ мертвой матеріи, рассматриваемой самой по себѣ, количество силъ остается постояннымъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и въ остальной природѣ не происходитъ ничего, кроме преобразованія силъ изъ одной формы въ другую и обратно по закону количественного равенства. Не значить ли это сводить всю жизнь міра къ безцѣльному переливанію изъ пустого въ порожнее? Между тѣмъ мы знаемъ, что въ органическомъ мірѣ происходитъ постоянный процессъ развитія по опредѣленному плану. Растильные и животные организмы растутъ и множатся изъ сѣмянъ и первичныхъ зачатковъ — всѣ по роду своему. Изъ зерна ржи, напр., вырастаетъ растеніе одного типа, изъ зерна ячменя — растеніе другого типа и т. д., причемъ каждое изъ нихъ, достигая зрѣлого возраста, заготовляется такое же зерно, изъ какого оно само произошло и такимъ образомъ обезпечиваетъ продолженіе своего рода. Такое развитіе не можетъ быть результатомъ случайной игры механическихъ силъ, подобно тому, какъ изъ случайно брошенныхъ на столъ буквъ не можетъ само собой сложиться осмысленной фразы или цѣльнаго рассказа. Это развитіе необходимо предполагаетъ собою особую силу, которая господственno возвышается надъ силами мертвой природы и дѣйствуетъ планомѣрно, т. е. разумную силу.

Невозможность вывести развитіе органической жизни изъ дѣйствія однихъ механическихъ силъ мертвой природы признаютъ и доказываютъ въ настоящее время сами естествоиспытатели. Извѣстный, напр., ботаникъ неовиталистъ Рейнке полагаетъ, что для объясненія происхожденія и развитія организмовъ естествоиспытателямъ ничего больше не остается, какъ возвратиться къ учению о жизненной силѣ и признать, что въ первичныхъ задаткахъ организмовъ находятся особыя самостоятельныя сущности, духовныя силы, какъ бы души, которыя носятъ въ себѣ идею будущаго развитія и сообразно

съ нею даютъ физико-химическимъ силамъ заранѣе опредѣленное направлениe. Эти силы не возникаютъ изъ физической энергіи и не переходятъ въ нее и, слѣдовательно, не имѣютъ никакого отношенія къ закону сохраненія энергіи. Рейнке называетъ ихъ доминантами и устанавливаетъ между ними опредѣленную іерархическую зависимость ¹⁾). Другого взгляда на этотъ предметъ держится Вейсманъ. Онъ также признаетъ невозможнымъ объяснить развитіе организмовъ изъ мертвой матеріи при помощи однихъ механическихъ законовъ. Но онъ думаетъ, что можно обойтись и безъ доминантовъ Рейнке, если признать въ зачаткахъ первичное преобразованіе на подобіе того, о которомъ училъ Лейбницъ въ своей теоріи предустановленной премудрымъ Богомъ гармоніи. По взгляду Вейсмана, зачатки организмовъ такъ образованы, что изъ нихъ само собою по физико-химическимъ законамъ развиваются организмы строго опредѣленного типа. Каждый зачатокъ, какимъ бы однообразнымъ и нерасчлененнымъ онъ ни казался, слагается изъ различныхъ по строенію частичекъ, которые стоять въ опредѣленномъ отношеніи къ органамъ развитаго организма и служить ихъ основою. Эти частицы входятъ во взаимодѣйствіе съ частицами окружающей среды и образуютъ различные химическія соединенія съ ними: зачатокъ чрезъ это увеличивается, дифференцируется. И если организмъ при своемъ развитіи принимаетъ такой, а не иной видъ, то причина этого заключается не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ самихъ задаткахъ. «Субстанція зачатка, пишетъ Вейсманъ, есть своего рода микрокосмъ... Онъ состоить изъ многочисленныхъ и различныхъ задатковъ, изъ группъ живыхъ единицъ, надѣленныхъ жизненными силами, которая могутъ или развивать активныя и специфическія дѣйствія, или оставаться въ пассивномъ скрытомъ состояніи,—пока не выведеть ихъ изъ этого состоянія внѣшнее раздраженіе» ²⁾). Изъ этихъ двухъ теорій наиболѣе распространенною является теорія Вейсмана, ибо она болѣе согласна съ тенденціей нашего времени къ механическому міровоззрѣнію. Но примемъ мы эту теорію или теорію Рейнке, или отвергнемъ обѣ, для насъ ясно одно, что по сознанію самихъ естествоиспытателей

¹⁾ Reinke. Die Welt als That. 3-te Auflage. Berlin. 1903. Кар. 24—26.

²⁾ Вейсманъ А. Лекціи по эволюціонной теоріи, т. I. Москва. 1905. Стр. 487. (Cp. Weismann. Vorträge über Descendenztheorie. I—II. 2 Auflage. Jena. 1904).

нашего времени жизнь организмовъ представляетъ процессъ телесологической, который изъ одного закона сохраненія энергіи объясненъ быть не можетъ.

Еще болѣе недостаточнымъ является законъ сохраненія энергіи для объясненія душевной жизни. Защищая всеобщее значеніе этого закона, психофизіологи утверждаютъ, что душа не оказываетъ никакого вліянія на тѣло, что всѣ движенія тѣла происходятъ по механическимъ законамъ, какъ если бы вовсе не существовало никакого мышленія, никакого чувства, никакой воли. Но признать это значитъ стать въ явное противорѣчіе съ общезвѣстнымъ фактамъ, что двигателями культуры служатъ умъ и воля человѣка. Насколько указанная мысль противорѣчить общему сознанію людей, это прекрасно изобразилъ, гораздо раньше Штумпфа¹⁾, нашъ отечественный психологъ Ушинскій. «Если сознаніе, пишетъ онъ, есть только аккомпаниментъ материальныхъ операций организма въ его активныхъ отправленіяхъ, то естественно, что этотъ аккомпаниментъ можетъ умолкнуть, а активныя операции организма, тѣмъ не менѣе, будуть продолжаться; предположимъ же теперь, что во всемъ человѣчествѣ, за исключеніемъ одного человѣка, сознаніе погасло: тогда этотъ человѣкъ съ сознаніемъ и не замѣтилъ бы, что онъ имѣеть дѣло съ машинами, а не съ людьми; все и безъ сознанія шло бы обычнымъ своимъ порядкомъ, какъ идетъ и при сознаніи: города и желѣзныя дороги продолжали бы строиться, хотя не кому было бы чувствовать удобствъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ; портные шили бы теплые платья, хотя никому не было бы ни тепло, ни холодно; медики лечили бы больныхъ, не чувствующихъ боли; актеры безъ сознанія играли бы на сценѣ для ничего не видящихъ зрителей; люди ничего не чувствующіе и побуждаемые единствено силами пищи, выражавшимися въ определенныхъ рефлексахъ,ѣздили бы на безсознательныхъ лошадяхъ, не чувствующихъ ударовъ кнута, но повинующихся этимъ ударамъ, какъ марionетка повинуется движению веревки; словомъ, дѣжалось бы все то же, что дѣлается и теперь, только безъ присутствія ненужнаго аккомпанимента сознанія, даннаго человѣку такъ себѣ, ради какой-то шутки»²⁾.

¹⁾ Stumpf. Eröffnungsrede. Dritter internationaler Congress für Psychologie in München. 1897. S. 9.

²⁾ Ушинскій. Человѣкъ какъ предметъ воспитанія, т. II, гл. XXXII, § 5. Спб. 1869. Стр. 287.

Внутренній опытъ ясно говорить намъ, что нашъ душевный міръ есть сила, которая не только находится въ зависимости отъ матеріи, но и властвуетъ надъ нею. Еще Платонъ обращалъ вниманіе, что посредствомъ гимнастики мы можемъ придать своему тѣлу желательную для насъ форму. Съ другой стороны, развѣ можетъ кто отрицать общеизвѣстный фактъ, что двигателями культуры служатъ разумно-свободныя личности. Усилиями воли, подъ руководствомъ выработанныхъ знаній, человѣкъ можетъ преобразовывать и дѣйствительно преобразуетъ окружающую—какъ мертвую, такъ и живую природу. Тамъ, напр., гдѣ нѣкогда находились непроходимыя финскія болота, покрытыя жалкою растительностью, въ настоящее время красуется столица Россіи, съ ея храмами, дворцами, библіотеками, музеями, памятниками и т. п. Но все это произошло, конечно, не само собою, а создано усилиями человѣческаго духа. Но если душевный міръ является независимою отъ материальнаго міра силою, то естественно ожидать, что онъ и управляется особыми законами.

Не будемъ останавливаться надъ разъясненіемъ самыхъ законовъ душевной жизни, ибо это завело бы насъ слишкомъ далеко. Для нашей цѣли будетъ достаточно обрисовать общее очертаніе этихъ законовъ въ ихъ отличіе отъ законовъ физиологическихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нашъ душевный міръ развивается постепенно и послѣдовательно, отливаясь на всѣхъ стадіяхъ своего развитія въ одну и ту же типическую для всѣхъ людей форму. Съ этой стороны душевное развитіе является совершенно аналогичнымъ развитію тѣлесныхъ организмовъ и, какъ такое, даетъ право на заключеніе, что законы душевной жизни должны быть аналогичны законамъ организческой жизни. Но вмѣстѣ съ сходствомъ должно существовать между ними и различіе, ибо душевная организація человѣка существенно отличается не только отъ организаціи тѣлесной, но и отъ душевной организаціи животныхъ. Отличіе это можно конструировать на основаніи указанныхъ особенностей душевнаго міра человѣка.

1) Развитіе тѣлесныхъ организмовъ, являясь осуществленіемъ опредѣленнаго плана, предполагаетъ, въ качествѣ своей причины, разумную силу. Но составляютъ ли всѣ тѣлесные организмы простыя машины, созданные Премудрымъ Богомъ, какъ училъ Лейбница, или каждый организмъ заключаетъ въ

себѣ свою особую субстанціальную силу, какъ полагаетъ Рейнке, это остается неизвѣстнымъ. Между тѣмъ душевный міръ каждого человѣка, безспорно, служить проявленіемъ такой субстанціальной силы, ибо наше непосредственное сознаніе ясно и опредѣленно свидѣтельствуетъ, что каждый изъ насъ есть субстанціальный дѣятель, отличающій себя отъ всего остального, какъ я отъ не-я. Это — коренной фактъ нашего самосознанія, достовѣрность котораго отрицать можетъ только скептикъ, сомнѣвающійся въ возможности для человѣка какого бы то ни было знанія. Посему развитіе душевной жизни есть развитіе ея субстанціи души.

2) Тѣлесные организмы развиваются изъ первичныхъ зачатковъ, которые заключаютъ въ себѣ задатки всѣхъ органовъ, имѣющихъ впослѣдствіи образоваться. Но такъ какъ эти задатки существуютъ въ видѣ материальныхъ частицъ, расположенныхъ одна подлѣ другой и являющихся носителями особыхъ силъ, то развитіе тѣлесныхъ организмовъ представляетъ собою систему, или агрегатъ, многихъ процессовъ, которые могутъ протекать не только одновременно, но до извѣстной степени и независимо другъ отъ друга. Реальной основой душевного развитія служить душа, въ которой, какъ въ зернѣ, должно быть предъизображено все будущее ея развитіе. Въ ней должны находиться потенціи всѣхъ существенныхъ особенностей и сторонъ развитой душевной жизни. Если, напримѣръ, самою характерною особенностью нашей душевной жизни, какъ жизни сознанія, служить раздѣленіе между сознающимъ субъектомъ и сознаваемымъ объектомъ, то это раздѣленіе если не explicite, то implicite должно быть дано и въ сознаніи ребенка. Если въ развитой жизни сознающаго субъекта мы различаемъ три не сводимыхъ одна на другую стороны: умъ, чувство и волю, то эти три стороны должны находиться и въ каждомъ душевномъ явленіи, не исключая самыхъ раннихъ. Если въ зрѣломъ состояніи разумъ напѣтъ представлять собою систему вѣчныхъ истинъ и нормъ, предполагающихъ опредѣленныя идеи съ неизмѣнными между ними отношеніями, то нужно признать, что и разумъ ребенка обладаетъ потенціями всѣхъ этихъ идей. Но какъ бы многоразличны ни были потенціи души, всѣ онѣ, въ отличие отъ тѣлесныхъ зачатковъ, образуютъ нераздѣльное единство, ибо служить опредѣленіями единой живой личности, и всѣ отображаются въ каждомъ душевномъ переживаніи.

3) Развитіе тѣлесныхъ организмовъ совершається чрезъ взаимодѣйствіе зачатка и среды. Частицы зачатка, входя въ непосредственное соприкосновеніе съ частицами среды, соединяются съ одними изъ нихъ и отдѣляются отъ другихъ; зачатокъ увеличивается чрезъ это въ объемѣ и усложняется въ своемъ строеніи. Душа развивается также подъ вліяніемъ окружающей материальной среды. Но душа не можетъ ни вбирать, ни выдѣлять изъ себя материальныхъ частицъ. На воздействиѣ материальной среды она можетъ отвѣтить лишь динамически, производя изъ своихъ нѣдръ состоянія, не имѣющія ничего общаго съ вызывающими ихъ движеніями. Правда, между душевными состояніями, возникающими одно за другимъ, наблюдается известный порядокъ, такъ что послѣдующія состоянія являются какъ бы произведеніемъ предшествующихъ. Но душевные состоянія, какъ переживанія души, существующія нераздѣльно съ нею, не образуютъ особыхъ силъ, которыя могли бы бороться за свое существованіе, входить въ соединеніе съ однѣми силами и подавлять другія. Съ другой стороны, послѣдующія душевые состоянія всегда заключаютъ въ себѣ нечто новое, необъяснимое изъ предшествующихъ состояній. Поэтому душевное развитіе не можетъ быть результатомъ механическаго соединенія душевыхъ явлений. Если можно объяснить душевную жизнь при помощи какого-либо синтеза, то только синтеза идеального и творческаго. Душевное развитіе есть продуктъ непрерывнаго творчества души.

4) Самый процессъ развитія тѣлесныхъ организмовъ составляетъ дѣло внѣшней необходимости. Какъ только зачатокъ попадаетъ въ соответствующую среду, сейчасъ же начинается его развитіе. Развитіе продолжается, пока зачатокъ подвергается воздействиѣю среды. Если это воздействиѣ прекращается вполнѣ или отчасти, останавливается и развитіе зачатка—всего или соответствующей его части. Въ противоположность этому, творческій процессъ душевного развитія опредѣляется внутренними стремленіями. Душа носитъ въ себѣ идею будущаго развитія и подъ вліяніемъ ея непрерывно переходитъ отъ одного состоянія къ другому. Эта идея проявляется въ сознаніи какъ рядъ стремленій, которыя пробуждаются подъ вліяніемъ получаемыхъ впечатлѣній, но заключаются въ себѣ—и интуицію будущихъ состояній, и внутренній позывъ къ творческому ихъ произведенію. Такимъ образомъ душевное раз-

витіє представляеть собою процесъ телеологіческій, посредствомъ котораго душа воплощаетъ въ послѣдовательныхъ состояніяхъ прирожденную ей идею общечеловѣческаго развитія. И если мы хотимъ понять этотъ процессъ, мы должны изучать душевную жизнь не по принципу механиковъ — отъ простого къ сложному, а по началуteleologovъ — отъ болѣе совершенного къ менѣе совершенному. Нужно отправляться не отъ душевной жизни дѣтей, животныхъ, идотовъ, а брать за исходную точку душевную жизнь взрослыхъ и нормальныхъ людей, чтобы опредѣлить, какія стороны этой жизни являются существенными и затѣмъ какой видъ и въ какомъ порядкѣ принимають эти стороны при постепенномъ нисхожденіи отъ высшихъ ступеней развитія къ низшимъ. Только при этомъ условіи душевная жизнь дѣтей получить въ нашихъ глазахъ свой истинный видъ, а не тотъ странный и непонятный, какой даютъ ей въ своихъ изображеніяхъ представители психофизического параллелизма.

5) Наконецъ, душевное развитіе человѣка имѣеть еще одну особенность, которая полагаетъ грань между психикою человѣка и животныхъ. Животныя въ своемъ душевномъ развитіи подчинены внутренней необходимости. Побуждаемые инстинктами природы, они дѣйствуютъ какъ заведенные машины. Ихъ дѣйствія всегда направляются въ сторону наименьшаго сопротивленія, такъ что какое побужденіе оказывается въ данный моментъ сильнѣе другихъ, то побужденіе одерживаетъ верхъ и переходить въ дѣйствіе. Въ противоположность этому, душевное развитіе человѣка является всегда въ меньшей или большей степени дѣломъ его личной свободы. Въ своемъ разумѣ человѣкъ носитъ вѣчныя нормы добра, которыя изъ неопределенныхъ чувствъ постепенно переходятъ въ ясныя требования разума. При помощи ихъ онъ оцѣниваетъ свои влечения и желанія и получаетъ возможность — сильныя, но несогласныя съ требованиями разума желанія ослабить до нуля, а желанія достойныя, но слабыя возвысить надъ всѣми другими и сдѣлать цѣлью своей дѣятельности. Но какъ поступить человѣкъ въ томъ или другомъ случаѣ, — исполнить ли онъ требования разума и возведетъ свою личность на высшую ступень нравственного совершенства, или уступить давленію неразумныхъ влечений, — опредѣлить заранѣе нельзя, ибо это зависитъ отъ его свободной воли. Наука можетъ изслѣдоватъ лишь прошлое поведеніе человѣка и по нему судить объ общемъ

направленіи его дѣятельности при свободномъ созиданіи въ себѣ нравственной личности.

Указанныя особенности душевного развитія человѣка даютъ основаніе думать, что законы душевой жизни суть телесологические законы самопроизвольного развитія души и свободного самосозиданія этической личности.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы получаемъ слѣдующіе результаты: душевный міръ составляетъ реальность, которую мы знаемъ болѣе достовѣрно, чѣмъ реальность материального міра; онъ имѣетъ специфическую особенности, обособляющія его отъ міра материального, и управляетъ своими собственными законами, т. е. получились такие результаты, которые даютъ право вывести принципіальное заключеніе, что психологія должна быть самостоятельной наукой, которую должны разрабатывать не физиологи съ материалистическими тенденціями и навыками мысли, а психологи, проникнутые сознаниемъ высокаго достоинства человѣческой личности.

В. Серебренниковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки